

Японские исследования. 2019. № 4. С. 120–150.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 120–150.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи*

Б.Б. Пак

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению позиции российского дипломатического ведомства во главе с В.Н. Ламздорфом в вопросе о независимости Кореи после подписания договора о протекторате. Работа основана на широком круге источников, главным образом архивных дипломатических документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Автором показано, что вплоть до смены курса российского правительства с приходом А.П. Извольского на пост министра иностранных дел в мае 1906 г. Россия, вынужденная признать преимущественные политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, неизменно придерживалась принципа независимости и территориальной целостности Кореи, сохраняла приверженность и курсу на непризнание соглашений, навязанных Японией Корее силой и нарушающих верховные права корейского императора, и пыталась сохранить хотя бы ограниченный его суверенитет, используя дипломатические средства.

В статье впервые детально раскрываются усилия МИД России свести к нулю условия договора о протекторате и восстановить статус независимого корейского государства, усилить своё присутствие в Корее в условиях наращивания численности японских войск на севере полуострова, граничащего с российским Приморьем.

Подробно описаны попытки российской дипломатии противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, воплощению соглашения Кацура–Тафт в части расторжения дипломатических отношений Кореи со всеми другими государствами.

В частности автором статьи обращено внимание на сообщение МИД иностранным державам о протесте корейского императора против навязанного Корее договора о протекторате с целью побудить их вмешаться и выразить протест против действий Японии. Проанализированы попытки российских дипломатов поднять принципиальный вопрос о совместимости притязаний японцев на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи с договорными правами Держав, сохранить форму иностранного представительства в Корее и возобновить деятельность российской миссии в Сеуле, ссылаясь на русско-корейские договоры.

Уточнена и дополнена официальная позиция России в вопросе об упразднении русско-корейских договоров по настоянию японского правительства; о понижении ранга дипломатического представительства в Сеуле; о том, какой властью должен быть выдаваем экзекватур иностранным консулов в Сеуле и отмены консульской юрисдикции – вопросе, который считался краеугольным

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

камнем отношений с Японией. В деталях восстановлен ход переговоров российской и японской сторон, аргументы России в пользу права выдачи экзекватура русскому генеральному консулу в Сеуле от корейского императора, а не от японского, на чём настаивало правительство Японии. Впервые отмечен факт попыток МИД и его представителей за границей привлечь внимание западных держав к тому, что требования Японии о выдаче экзекватура генеральному консулу в Корее незаконно и противоречит установленной в международных отношениях практике, и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекватуры от территориального сюзерена. МИД также выступил с инициативой вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде. Однако инициатива России не была поддержана.

С приходом на пост министра иностранных дел А.П. Извольского, сторонника прагматичного курса на послевоенное урегулирование с Японией, в дальневосточной политике России одержала верх линия на сближение с Японией. Это оказало непосредственное влияние и на политику русского правительства в отношении Кореи.

Ключевые слова: В.Н. Ламздорф, Г.А. Плансон, А.И. Павлов, корейский император, нейтралитет, Портсмутский договор, договор о протекторате, суверенитет, Россия, Корея, Япония.

Автор: Пак Бэлла Борисовна, доктор исторических наук, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0003-0400-4917. E-mail: pakbell7@gmail.com

Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty*

B.B. Pak

Abstract. This article is devoted to the study of the position of the Russian Foreign Ministry led by V.N. Lamsdorf on Korea's independence after signing the Treaty of Protectorate. The work is based on a wide range of sources, mainly archival diplomatic documents, most of which are introduced into the scientific circulation for the first time.

The author shows that, up to the change in the policy of the Russian government, which occurred after the appointment of A.P. Izvolsky in May 1906, Russia, compelled to recognize Japan's predominant political, military, and economic interests in Korea, invariably adhered to the principle of independence and territorial integrity of Korea, remained committed to the non-recognition of the agreements imposed by Japan on Korea by force, which violated the supreme rights of the Korean emperor, and tried to maintain at least limited sovereignty of Korea by diplomatic means.

For the first time, the article reveals in detail the efforts of the Russian Ministry of Foreign Affairs to nullify the terms of the protectorate agreement and restore the status of the independent Korean state, to strengthen Russia's presence in Korea as the number of Japanese troops in the north of the Peninsula, bordering the Russian Maritime province, was increasing.

It describes in detail the attempts of Russian diplomacy to resist the claims of the Japanese government to establish complete control over the domestic and foreign policies of Korea, the implementation of the Katsura-Taft agreement regarding the termination of Korean diplomatic relations with all other states.

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

In particular, the author of the article draws attention to the Foreign Ministry's message to foreign powers about the protest of the Korean emperor against the Treaty of Protectorate imposed on Korea, in order to encourage them to intervene and protest against the actions of Japan. The article analyzes the attempts of Russian diplomats to raise the fundamental question of the compatibility of the Japanese claims to establish complete control over Korea's domestic and foreign policy with the treaty rights of the Powers, to preserve the form of foreign representation in Korea and to resume the activities of the Russian mission in Seoul, citing Russian-Korean treaties.

The article clarifies and supplements the official position of Russia on the abolition of the Russo-Korean treaties at the insistence of the Japanese government; on the demotion of the diplomatic mission in Seoul; on what kind of authority should issue the exequatur to foreign consuls in Seoul; and on the abolition of consular jurisdiction – the issue that was considered the cornerstone of relations with Japan. The details of the negotiations between the Russian and Japanese sides, the arguments of Russia in favor of the right of the Russian Consul General in Seoul to receive an exequatur not from the Japanese, but from the Korean emperor (the Japanese government insisted on the former) have been restored. For the first time, the fact that the Ministry of Foreign Affairs and its representatives abroad tried to draw the attention of Western powers to the fact that Japan's demand for an exequatur to the Consul General in Korea was illegal and contrary to the established practice of international relations, and that Korea as a sovereign state had the right to maintain direct relations with other states, and foreign consuls had to receive exequatur from the territorial sovereign. The Foreign Ministry also proposed the initiative to raise the Korean issue for international discussion in order to achieve non-recognition by the powers of the Japanese protectorate and to condemn the actions of Japan in an international court. However, the initiative of Russia was not supported.

With the appointment of A.P. Izvolsky, a supporter of a pragmatic course regarding the postwar settlement with Japan, as the Minister of Foreign Affairs, the line towards rapprochement with Japan prevailed in the Far Eastern policy of Russia. This had direct impact on the policy of the Russian government regarding Korea.

Keywords: V.N. Lamsdorf, G.A. Planson, A.I. Pavlov, Korean emperor, neutrality, Portsmouth Treaty, protectorate treaty, sovereignty, Russia, Korea, Japan.

Author: *Pak Bella B.*, Doctor of Sciences (History of international relations and foreign policy), Chief of the Cabinet (Laboratory) on Korean History and Culture, Leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0400-4917. E-mail: pakbell7@gmail.com

После победы Японии в войне с Россией и заключения Портсмутского мирного договора на Дальнем Востоке возросла роль США и Японии, превратившейся из второстепенного азиатского государства в могущественную державу, связанную с Англией союзным договором, направленным против России и заключённым с целью противодействовать её влиянию в Азии. Война ослабила престиж и позиции России, которой предстояли нелёгкие задачи: соединение своих дальневосточных окраин с остальной территорией железнодорожным сообщением, заселение края и поднятие его экономики, укрепление своего положения на Дальнем Востоке. Это требовало продолжительного периода и установления мирных и дружественных отношений с Японией, подготовки к заключению с Японией нового торгового договора взамен договора о торговле и мореплавании 27 мая 1895 г., действие которого по настоянию японских уполномоченных на конференции в Портсмуте было признано «совершенно прекращённым», и сближения с Великобританией.

В этих условиях российские представители в странах Дальнего Востока, в особенности в Японии и Корее, должны были прилагать все старания к нейтрализации антирусской направленности англо-японского союза установлением с Японией самых дружеских и

добрососедских отношений, не провоцируя японское правительство поддержкой антияпонских настроений корейского двора и попыток корейского императора заручиться поддержкой России для противодействия утверждению господства Японии в Корее [Congou, 1960, p. 333]. Тем не менее, позиция российского дипломатического ведомства во главе с В.Н. Ламздорфом в вопросе о независимости Кореи оставалась неизменной. Вплоть до смены курса российского правительства с приходом А.П. Извольского на пост министра иностранных дел в мае 1906 г. Россия, вынужденная признать преимущественные политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, пыталась сохранить хотя бы ограниченный суверенитет Кореи, используя дипломатические средства.

Настоящая статья имеет своей целью дать основанное на неизвестных ранее архивных материалах освещение позиции российского дипломатического ведомства во главе с В.Н. Ламздорфом в вопросе о независимости Кореи после подписания договора о протекторате, анализ попыток российской дипломатии противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, воплощению соглашения Кацура–Тафт в части расторжения дипломатических сношений Кореи со всеми другими государствами.

Исходной точкой нового периода дипломатических отношений с Японией в корейском вопросе, которому отводилось в них важное место, должен был служить Портсмутский договор. В инструкции первому после войны Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру в Японии Ю.П. Бахметеву, высочайше утверждённой в Петергофе 11 октября 1905 г., министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, говоря о Корее, где ещё не было российского представителя, особо подчёркивал приверженность принципу независимости и курсу на непризнание соглашений, навязанных Японией Корее силой и нарушающих верховные права Корейского императора. Он призывал в отношении Кореи руководствоваться следующими основными соображениями.

«С момента открытия военных действий все соглашения наши с Японией по корейским делам сами собою прекратились. Они заменены 2-ой статьёй Портсмутского договора, заключающую в себе признание полного преобладания политических, военных и экономических интересов Японии в Корее и обязательство России не препятствовать принятию там японцами всяких мер руководства, покровительства и контроля, какие японское Правительство признает необходимым.

Как из самого текста этой статьи, так и из смысла приведших к ней переговоров ясно, что японцам фактически предоставлено в Корее полное господство. Логическим выводом из этого положения является для нас необходимость согласовывать деятельность нашего Посланника в Корее с Вашим образом действий для достижения в этом отношении полного единения.

<...> Признавая таким образом фактическое господство японцев в Корее, Императорское Правительство, тем не менее, с формальной стороны всегда придерживалось принципа независимости Кореи, признанной и другими Державами, и суверенитета её Императора. Доказательством неизменности такого взгляда служат заявления наши, сделанные во время войны, о том, что Императорское Правительство не признает соглашений, навязанных Японией Корейскому Императору под угрозой воздействия на него силою, протесты против распоряжений японцев, нарушающих верховные права

Корейского императора, а равно и тот факт, что в Петербурге до настоящего времени пребывает и признается таковым Корейский Посланник» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 72, л. 43].

Патриотические силы Кореи во главе с корейским императором не теряли надежды на помощь России и западных держав, значительные экономические интересы которых в Корею нарушало установление японского протектората. С этой целью ими предпринимается целый ряд попыток привлечения внимания мировых держав к злодеяниям, творимым на Корейском полуострове Японией, при помощи обращений к державам о содействии в деле спасения независимости страны от японских посягательств. Одно из средств избавления от установления полного господства Японии в Корею они видели в скорейшем возобновлении деятельности русской миссии в Сеуле. 14 сентября 1905 г. Ли Бомджин передал В.Н. Ламздорфу телеграмму императора Коджона Николаю II о том, что подписание мирного договора между Российской империей и Японией повергает его в «глубокое отчаяние», и в которой он обращался к царю с ходатайством ускорить отправление в Сеул посланника России [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 250, л. 1 и об., 2].

В ответном обращении к Ли Бомджину В.Н. Ламздорф уверил его в том, что российский император неизменно относится с большим вниманием к соседней Корейской империи и прилагает неослабевающие усилия к «сохранению территориальной целостности Кореи» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 71, л. 15].

17 сентября, также по поручению Коджона, из Шанхая выехал на французском почтовом пароходе в Марсель один из ревностных приверженцев императора Ли Ион Ик, откуда отправился в Петербург в надежде быть принятым В.Н. Ламздорфом и удостоиться высочайшей аудиенции. На том же пароходе с секретным поручением от корейского императора выехала в Европу Антуаннетта Зонтаг. Главной целью поездки было попытаться расположить в пользу Кореи общественное мнение в Европе и стараться добиться признания её независимости [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 24].

В октябре 1905 г. Ли Бомджин по поручению Коджона вновь обратился к Ламздорфу с просьбой, чтобы Россия выступила с инициативой по выработке шагов к провозглашению совместной гарантии державами независимости Кореи, таким же образом, как в 1815 г. договорами, подписанными в Вене и Лондоне, державы выступили гарантами постоянного нейтралитета Швейцарии, Бельгии и Люксембурга, а в 1832 г. Россия, Франция и Англия заявили о гарантии независимости Греции [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 250, л. 1 и об., 2].

В октябре 1905 г. российскому МИД стало известно о планах Коджона обратиться за помощью к Международному суду в Гааге, направив специального делегата на вторую Гаагскую мирную конференцию в июне 1907 г. 16(29) октября 1905 г. доверенное лицо Коджона, бывший учитель французского языка в Сеульской Правительственной школе новых языков Эмиль Мартель, командированный в Китай корейским министром иностранных дел Пак Чесуном, посетил российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, чтобы сообщить о том, что «Корейский Император, крайне озабоченный ограждением своих суверенных прав, желает добиться участия Кореи на предстоящей мирной конференции в Гааге и поручил Мартелю узнать, каким путём Корейское Правительство могло бы заявить о таком своём желании» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 31].

В ответной телеграмме Покотилову министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, разрешавшей объясниться с доверенным Коджона Мартелем в положительном смысле,

подтверждалась неизменность отношения России к Корее как независимому государству: «Вполне признавая неприкосновенность суверенных прав Кореи, Императорское Правительство уже пригласило последнюю на Новую Гаагскую Конференцию, имея при этом в виду проявить означенный взгляд в области международных сношений. Приглашение это было сообщено нотой 26 сентября пребывающему в С.Петербурге Корейскому Посланнику, которого мы не переставали считать законным представителем Корейского Императора» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 32].

В начале октября 1905 г. Министерство иностранных дел России предписало посланцам в Париже, Берлине и Вашингтоне узнать отношение правительств Франции, Германии и США¹ к вопросу о международном положении Корейской империи и установить, намереваются ли они сохранить в прежнем ранге свои дипломатические представительства в Сеуле. При этом специально разъяснялось, что соглашаясь признать интересы Японии в Корее, русское правительство не желало нарушить принцип независимости Кореи, являющийся исходным в политике России на Дальнем Востоке [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 72, л. 7–8]. Правительства США, Франции и Германии ответили, что намерены сохранить свои представительства в Корее в прежнем виде. Но в дальнейшем они изменили свою позицию.

Надежды Коджона на вмешательство держав, с которыми Корея ранее заключила договоры о дружбе и торговле, в дело восстановления дипломатических прав Кореи, оказались тщетны. Великобритания признала свободу рук Японии в Корее в англо-японском договоре 1905 г. В конце сентября 1905 г. японский посланник в Лондоне виконт Хаяси Гонскэ, передал главе Форин офиса Лансдауну, что японское правительство, под предлогом, что корейское правительство нарушало японо-корейское соглашение 22 августа 1904 г., заключая «неразумные договоры и входя в другие отношения с иностранными державами» «даже пока война была в самом разгаре», настаивало на том, что Япония вынуждена предпринять радикальные шаги, чтобы искоренить это зло в будущем, и японскому правительству не остаётся «другого выбора, как принять на себя заведывание внешними сношениями корейского правительства» и «вскоре принять к тому необходимые меры». Ссылаясь на положения нового союзного англо-японского договора, японское правительство выражало уверенность, «что оно получит полную поддержку». Лансдаун заверил Хаяси, что это правительство Великобритании полностью поддерживает развитие японского влияния в Корее и что «японское правительство не встретит никаких затруднений в осуществлении своей политики» со стороны британского правительства [British documents..., 1926, p. 112–113].

Американское правительство ещё в конце июля 1905 г. меморандумом Тафт–Кацура признало свободу действий Японии в Корее. Президент США Теодор Рузвельт, будучи убеждён, что «Япония должна завладеть» Кореей «в противовес расширению России», и считая политические, военные и экономические интересы Японии в Корее самыми большими, не принял во внимание послание императора Коджона, привезённое ему американским миссионером, редактором журнала *Korea repository* (1895) и *Korea review* (1901–1904) Гомером Б. Хальбертом (Homer Bezaleel Hulbert), в котором говорилось о незаконности японо-корейского договора и содержалась просьба о заступничестве США в

¹ Позиция Англии в этом вопросе была известна из опубликованного к тому времени англо-японского договора, который был подписан 12 августа 1905 г. и по которому правительство Великобритании предоставляло Японии свободу действий в Корее.

силу статьи об оказании добрых услуг американо-корейского договора 17 мая 1882 г. [Добрынин, 1947, с. 346]. Получив признание своего господства над Кореей и международные юридические гарантии невмешательства иностранных держав в трактатах с США, Англией и в заключённом Россией поневоле Портсмутском мирном договоре, и убрав таким образом главную внешнеполитическую преграду для уничтожения независимости и территориальной целостности Корейского государства, Япония немедленно приступила к окончательному завоеванию Кореи. Своей главной задачей поначалу японцы считали разрыв дипломатических отношений Кореи с другими иностранными государствами – иными словами, исполнение соглашения Кацура–Тафт.

После вступления в силу Портсмутского договора Ито Хиробуми был направлен в Корею и заставил корейское правительство подписать договор о протекторате (Конвенция 17 ноября 1905 г.). В это время в Сеуле уже находилась японская кавалерия, подразделение 17 ноября проект договора был подписан. Согласно договору создавался пост японского генерального резидента. Корея утрачивала право на ведение самостоятельной внешней политики. О том, что на переговорах японцы 17(4) ноября при попытке заставить корейского императора дать согласие на протекторат прибегли к вопиющим нарушениям – грубому принуждению и угрозам применения силы, конфискации официальной печати министра иностранных дел, самовольно приложив печать к тексту договора без согласия Корейского императора, МИД России сообщало своим представителям за границей 27(14) ноября 1905 г.:

«Корейский император при посредстве своего представителя в Санкт-Петербурге сообщает о возмутительном насилии, совершенном над ним японцами в целях добычи протектората над Кореей. Японский посланник в Сеуле Хаяси, генерал Хасэгава и маркиз Ито [Хиробуми] проникли ночью с военной силой во дворец императора и потребовали от него подписания документа о протекторате.

Когда Император отказал им в этом, то названные лица ворвались в частное помещение монарха, захватили печать Императорскую и Министерства Иностранных Дел для приложения к составленному им акту, который Токийское правительство выдаёт за состоявшийся между Кореей и Японией соглашение о протекторате.

Император корейский продолжает отказывать в своей подписи и энергически протестует против произведённого Японией насилия и попрания основных законов международного права, обеспечивающих независимость Корейского Государства. Благоволите осведомиться у Правительства при коем Вы аккредитованы, было ли ими получено подобное сообщение и как оно полагает отнестись к протесту Корейского Императора» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 46].

Таким образом, с 1 февраля 1906 г. Япония стала полновластной «хозяйкой» в Корее.

После заключения Конвенции 1905 г. Коджон обратился к лидерам стран, с которыми Корея ранее заключила договоры о дружбе или торговле. Как минимум пять раз в течение следующих нескольких лет Коджон обращался за помощью в восстановлении дипломатических прав Кореи [Yi Taejin, 2008, p. 37–38]. Однако его усилия потерпели неудачу из-за отсутствия сотрудничества со стороны Великобритании и США

Российское правительство не признало договора о протекторате Японии над Кореей, навязанного корейскому правительству в ночь с 4(17) на 5(18) ноября 1905 г., в соответствии с которым Корея передавала в ведение генерал-резидента руководство внешней политикой страны [Choson kwangae choyak jip, 1948, p. 30; Korea. Treaties and Agreements, 1921, p. 55–56].

Получив 11(24) ноября 1905 г. сообщение по телеграфу о состоявшемся соглашении между Японией и Кореей, оно запросило через своих послов правительства США, Германии и Франции об их отношении к новому внешнеполитическому статусу Корейской империи и предполагают ли они «сохранить в Сеуле как это ими первоначально было решено, своего дипломатического представителя в прежнем ранге» [Пак, 2004, с. 381; Шулатов, с. 81–82; АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 41].

Однако иностранные правительства, не желая осложнений с Японией, отказались от дипломатического представительства в Сеуле. 12(25) ноября Р.Р. Розен сообщал из Вашингтона об упразднении американской миссии в Корее [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 38]. Э. Рут при объяснениях с Розеном по этому поводу заявил, что американское правительство, «приравнивая положение Кореи к положению например Баварии», продолжает признавать суверенитет Кореи, но, ввиду состоявшегося между этим государством и Японией соглашения, отныне намерено вести дипломатические отношения с Кореей через японского посланника в Вашингтоне и через американского посланника и Министерство иностранных дел Японии в Токио, но что консулы останутся на своих постах и по-прежнему будут получать экзекватуры² от корейского правительства. Германское правительство заявило, что не оставит в Сеуле своего представителя в прежнем ранге: после отпуска посланник туда не возвратится, а будет заменён генеральным консулом. Министр иностранных дел Франции М. Рувье высказался в том смысле, что Портсмутский мирный договор, давая Японии право руководить деятельностью корейского правительства, тем самым как бы предполагает переход в руки японцев и международного представительства Кореи [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 54, 55, 58, 60], позже он объяснил, что после того как англичане и американцы уже отозвали свои миссии, ему навряд ли можно будет поступить по-другому, так как французская миссия остаётся почти единственной в Корее [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 56].

13(26) ноября 1905 г., узнав от корейского посланника в Петербурге Ли Бомджина, о протесте корейского императора против навязанного Корее договора о протекторате, МИД России предписал довести об этом до сведения иностранных держав. Однако державы, опасаясь осложнений, уклонились от вмешательства и выражения протеста против действий Японии.

Британский министр иностранных дел Лансдаун на вопрос А.К. Бенкендорфа, получил ли лондонский кабинет протест императора Кореи против насилия, к которому прибегли японцы в Сеуле, чтобы поставить государственную печать на соглашение между Кореей и Японией, и его отказ от подписи на нём и как он расценивает его, предсказуемо ответил, что протеста не получил, но что положения этого соглашения представляются ему не противоречащими мирному договору между Россией и Японией [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 50].

Н.Д. Остен-Сакен сообщал из Берлина 16(29) ноября, что протест корейского императора против насильственного объявления Японией своего протектората над Кореей, сообщённый Берлинскому кабинету, управляющий германского МИД «оставит без последствий» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 51].

² Экзекватура – (от лат. exsequare «выяснять, устанавливать») – официальный документ, удостоверяющий признание правительством принимающего государства иностранного консула.

М. Рувье после разговора с А.И. Нелидовым поставил вопрос перед японским посланником во Париже. Мотоно Итиро сообщил, что до него дошли обвинения японских властей в Корее о «насилии против Императора», но Мотоно заявил, что всё это «чистейший вымысел» и что соглашение с корейским правительством было заключено по правилам. Рувье относительно насилия японцев в отношении корейского императора признал затем в беседе с Нелидовым, что «трудно в точности узнать, что произошло и во всяком случае нет средств препятствовать японцам, имеющим в своих руках силу и заручившимся нашим признанием их преобладания в Корее, использовать это положение, даже с применением тех диких мер, в которых их обвиняют преданные своему Государю корейцы» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 56].

Госсекретарь Э. Рут, которого посетил корейский посланник в Париже Мин, специально прибывший в Вашингтон, чтобы изложить историю заключения японо-корейского соглашения и просить помочь Корее отделаться от этого насильно ей навязанного соглашения, отвечал уклончиво, ссылаясь на неимение ещё сведений «из собственных источников об обстоятельствах, сопровождавших заключение Корейско-Японского соглашения», что «не позволяет ему высказать никакого мнения по этому предмету». Позже, сообщая Розену о своем разговоре с Мином, Рут заключил: «В самом деле, и какую же помощь мы могли бы оказать Корее, ведь очевидно, что минувшая война велась в сущности из-за того, кому должен принадлежать протекторат над Кореей, исходом войны этот вопрос решён в пользу Японии» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 10].

Поспешность, с которой Японией был произведён переворот в Сеуле, иностранные представители объясняли опасением Японии, что Россия поспешит прислать в Сеул своего дипломатического представителя [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 6].

В условиях, когда иностранные державы отзывали своих посланников из Сеула, МИД России попыталось возобновить деятельность там своей миссии, опираясь на русско-корейские договоры. В этом проявилось как стремление Петербурга свести к нулю положения договора о протекторате и восстановить независимый статус Корейского государства, так и усилить своё присутствие в Корее в условиях наращивания численности на севере полуострова, граничащего с российским Приморьем, японских войск после подписания договора о протекторате [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 139–140]. Российское правительство не могло закрывать глаза на тревожные сообщения своих представителей [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 48] и агентов в Японии о «ненормальной усиленной деятельности» по развитию войск и флота, развивающихся в «широких и ничем не оправдываемых размерах», ближайшим объектом которых могли вновь стать Россия или Китай, при «тщательно поддерживаемом патриотическом восторге» населения [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 111; АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 113–26]. Сразу после получения известия о состоявшемся японо-корейском соглашении, в силу которого Япония брала на себя руководство внешней политикой Кореи, глава МИД России дал распоряжение посланнику в Пекине Покотилу постараться выяснить в беседе с главой японского МИД Комурой Дзютаро взгляды Японии относительно иностранного представительства в Корее [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 41]. В беседе с Покотилу Комура без всяких оговорок подтвердил, что Япония взяла на себя руководство внешними делами Кореи. По его словам, Япония не собиралась требовать

отозвания иностранными правительствами своих представителей в Сеуле, но рассчитывала, что это произойдёт «по почину самих Правительств, так как дипломатические представители явятся в Корею лишними» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 71]. Узнав о намерении японцев не настаивать на отзывании иностранных дипломатических представителей из Кореи, в Петербурге решили назначить в Сеул русского представителя в звании «дипломатического агента и Генерального Консула» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 41].

В своём решении российское дипломатическое ведомство опиралось на право России иметь в Корею дипломатических и консульских представителей, основанном на статье 2-й договора с Кореей от 25 июля 1884 г. Руководство МИД считало эту статью остающейся в силе, так как ни на Портсмутской конференции, ни позже Япония не возбуждала вопроса об отмене договоров России с Кореей и даже не упоминала об изменении там формы русского представительства, добиваясь на Портсмутской конференции «уничтожения там политических прав России, приобретённых соглашениями 1896 и 1897 гг., т.е. прав содержать там войска, давать советы и т.п.» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171. л. 64].

Однако на сообщение главы российского МИД через своего посла в Пекине об этом решении Комура заявил «в самых решительных и категоричных выражениях», что «договором, подписанным 4 ноября, Корея вверила заведывание своими дипломатическими сношениями Японии; поэтому пока без исключения дела, имеющие сколько-нибудь политический характер, будут находиться в ведении МИД в Токио, местные же дела имеют разрешаться в Сеуле Японским резидентом по соглашению с иностранными Консульскими представителями. Мы желали бы..., чтобы и все другие Дипломатические представители в Корею были отозваны, так как Корея несомненно отказалась в пользу Японии от права принимать и посылать Дипломатических Представителей. Мы, конечно, не будем требовать отзыва уже пребывающих ныне в Сеуле дипломатических Представителей, но Японское Правительство крайне затруднилось бы согласиться на допущение в Сеул нового Представителя дипломатического характера, каковым несомненно явился бы российский Дипломатический агент и Генеральный Консул» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 73, л. 75].

Желая узнать отношение ведущих держав на утверждение японского правительства о назначении генеральных консулов в Сеуле в Токио и о том, что договоры иностранных держав с Кореей утратили силу, МИД России под руководством В.Н. Ламздорфа после получения ответа Комуры разослал соответствующий циркуляр российским представителям в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Риме и Вашингтоне, с предписанием выяснить точку зрения правительств, при которых они аккредитованы, на предмет заявления японского правительства о размещении Генеральных Консулов в Сеуле в Токио, так как Япония приняла руководство внешними отношениями Кореи и договоры иностранных держав с Кореей утратили силу.[АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 27].

Первым пришёл ответ из Берлина. Статс-Секретарь по иностранным делам О. фон Рихтгофен заявил Н.Д. Остен-Сакену, что «вопрос о назначении консулов в Корею не представляет для Берлинского Кабинета затруднений, так как у него находится всего один консул в Сеуле, которого и оставляют в этой должности на будущее время» и что в случае если Япония возбудит вопрос этот, то, по мнению барона Рихтгофена, Германия согласилась бы обратиться для получения нового экзекватура в Токио. Что касается второго пункта

телеграммы Вашего Сиятельства, то Японская миссия в Берлине передала МИД текст последнего договора между Кореей и Японией при меморандуме, в коем заявляет, что, приняв на себя руководство внешними сношениями Кореи и наблюдение за исполнением существующих трактатов этой страны, Японское правительство озаботится их соблюдением и обязуется не наносить ущерба торговым и промышленным интересам других Держав в Корее» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 27].

Лансдаун в разговоре с Бенкендорфом заметил, что положения японо-корейского соглашения о прекращении иностранного дипломатического представительства в Сеуле представляются ему не противоречащими мирному договору между Россией и Японией, что ему известно о решении США отозвать своего посла из Кореи, и Англия, в ответ на желание, выраженное Японией, сделает то же самое. Бенкендорф на это заявил, что не видит ничего в Портсмутском договоре, что говорило бы о прекращении дипломатического представительства в Сеуле, на что Лансдаун не смог возразить [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 50].

Посланник в Риме Н.В. Муравьев сообщал 16(29) декабря 1905 г., что «Итальянское правительство получило от Японского Правительства сообщение о том, что, по состоявшемуся между Кореей и Японией соглашению, отныне корейские дипломатические дела будут вестись Японией, но никакого протеста Корейского Императора сюда не поступало, и о насильственных над ним действиях Титони узнал впервые от меня. Повидимому, Римский кабинет, не желая осложнений с Японией, «расположен уклониться от всякого участия в суждении о настоящем инциденте под предлогом неимения интересов в Корее»» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 35].

Госсекретарь США Рут по вопросу о назначении генеральных консулов заявил Розену, что «по отношению к Американскому правительству никакого вопроса по сему поводу не возникало, так как бывший там и ранее американский генеральный консул остаётся на своём посту, хотя посланник отозван и миссия упразднена». Рут заявил, что правительство в Вашингтоне «считает трактаты, заключённые с Кореей, остающимися в полной силе. Изменён лишь только порядок дипломатических сношений с Корейским Правительством. В этом смысле ему дано было заверение японским правительством...» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 36, 86].

А.И. Нелидов сообщал из Парижа 18(31) декабря 1905 г., что на заявление японского посланника о принятии Японией в своё заведывание внешних сношений Кореи французское правительство ответило, что «последует в этом отношении примеру других держав. Пока же заявило готовность не заменять уезжающего в отпуск своего генерального Консула, носящего титул посланника, лицом облечённым таким же дипломатическим званием». Что же касается до принципиального вопроса о совместимости притязаний японцев с договорными правами Держав, французское Министерство иностранных дел доверительно сообщило, что «не считает целесообразным поднимать этот вопрос в виду твёрдо выраженного Японией намерения настаивать на приобретённом ею праве руководить всеми внешними сношениями Кореи». Для назначения нового генерального консула в Сеуле Франция собиралась обратиться к японскому правительству [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 37].

Последним был получен ответ от русского посла в Вене кн. Л.П. Урусова. Он сообщал, что японский посланник в Австрии Макино уведомил министра иностранных дел и

императорского дома А.М. Голуховского, что «отныне в силу заключённого договора между Японией и Кореей всякие отношения последней с иностранными державами будут заведываться Токийским кабинетом, и потому корейская миссия при венском дворе, пребывающая в Берлине, должна считаться упраздненной». Австрийский министр иностранных дел уведомил Макино, что корейская миссия была исключена из списка здешнего дипломатического корпуса. Кабинет не назначил в Сеуле ни дипломатического, ни консульского представителя, считая, что австрийских интересов, политических и коммерческих, в Корее не существует, потому и «не предвидят случая, когда бы пришлось обращаться в Токио на счёт назначения консулов в эту страну». На замечание Урусова, что Австрия имеет торговый договор с Кореей и что отмена его «самовольным постановлением третьей Державы непричастной к этому договору явилось бы важною новизною с точки зрения международного права, могущею послужить в будущем прецедентом», министр сказал, что «этого вопроса он не связывает с предыдущим. Он полагает, что для отмены или изменения существующих трактатов Кореи будут без сомнения ведены переговоры между Японией и Державами, и Венский Кабинет намерен уговориться с другими Правительствами касательно этого действительно важного вопроса». Урусов вынес впечатление, что австрийское правительство «очень желает остаться чуждым всех дел, относящихся до Кореи и совершенно устранившись от их решения» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 44].

К началу 1906 г. в Корее уже не оставалось иностранных представителей в ранге посланников или министров-резидентов. Все они по собственному почину держав были заменены консулами.

Попытки МИД России возобновить деятельность российской миссии в Сеуле не были поддержаны другими державами и поэтому не увенчались успехом. Жёсткая позиция, занятая министром иностранных дел Японии, вынудила МИД России согласиться на понижение ранга дипломатического представительства в Сеуле до уровня генерального консула, деятельность которого, однако, носила бы и «политический характер», и закрытие корейской миссии в Петербурге [Пак, 2004, с. 385; АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 74, л. 54–55; АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 93]. Кандидатом на пост был намечен Г.А. Плансон, сыгравший выдающуюся роль в поддержании дружественных русско-корейских отношений [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 70].

Плансон-Ростков 1-й Георгий Антонович, происходивший из потомственных дворян, родился в Харькове 25 марта 1859 г. Среднее образование получил в Смоленской гимназии. Окончив факультеты восточный (со званием действительного студента) и юридический (со степенью кандидата Санкт-Петербургского университета) в мае 1888 г., Плансон 24 апреля 1888 г. был определён на службу чиновником в Азиатском Департаменте МИД России.

Г.А. Плансон несомненно пользовался большим авторитетом в МИД. Занимая на протяжении своей жизни ключевые посты в системе российской дипломатической службы, он имел дело со всеми важнейшими для дальневосточной политики России конца XIX – начала XX в. проблемами. В 1896 г. встречал корейское посольство во главе с Мин Ёнхваном на границе и сопровождал его во время пребывания в России. 8 июня 1902 г. назначен чиновником по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области. Управлял русской миссией в Пекине с 15 ноября 1902 г. 7 февраля 1904 г. был сделан начальником Дипломатической Канцелярии наместника на Дальнем Востоке в Порт-Артуре.

20 сентября 1904 г. поставлен на пост начальника походной Канцелярии по дипломатической части при полевом Штабе заместителя на Дальнем Востоке, а после упразднения этой канцелярии в соответствии с царским указом от 18.06.1905 Плансон по приезде в С.-Петербург принимал активное участие в подготовке и проведении переговоров в Портсмуте с Японией, за что ему была объявлена 28 сентября 1905 г. «высочайшая» благодарность за проявленные им «чрезвычайное усердие и выдающиеся услуги как при подготовительной работе, так равно и во время переговоров о заключении мира с Японией». Был назначен генеральным консулом в Сеуле 31 декабря 1905 г. (12 января 1906 г.) [АВПРИ, ф. 159 «Формулярные списки чиновников МИД», оп. 464, д. 2661, л. 1–14 об.], где прослужил до своего отъезда в Петербург 19 ноября (2 декабря) 1907 г. [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 63, л. 18]. Донесения Плансона, человека очень наблюдательного, осведомлённого, были точны и достоверны, и его отношения с самыми влиятельными дипломатическими представителями, сложившиеся в Японии и Корее, имели огромное значение для последующего развития русско-корейских отношений. Сравнительно короткое время его пребывания на посту генерального консула в Сеуле было очень насыщенным и важным, и его ум и опыт в сложнейшее время оказались незаменимы. Его служение ознаменовалось участием в последних попытках корейского императора и его патриотически настроенных единомышленников восстановить независимость Кореи.

Тем временем в Токио не собирались допустить восстановления дипломатического представительства в Сеуле даже на пониженном уровне генерального консула. При встрече с Покотиловым Комура указал, чтобы переговоры по поводу назначения необходимо вести с японским правительством официальным путём через французского посланника в Токио, во-первых, потому, что «Япония взяла на себя руководство всеми вообще сношениями Кореи», а во-вторых, потому, что указом Корейского императора от 5 мая все договоры Кореи с Россией были денонсированы, из-за чего Россия может прибегнуть к праву назначения консулов в страну, исключительно базируясь на статье 2-й Портсмутского договора, по которой русским подданным даны права наиболее благоприятствуемой нации, но так как договор этот заключён Японией, то только чрез Токио может быть направлено дело о назначении в Сеул российского генерального консула [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 79, л. 19].

МИД России решительно отвергло требования Японии и предписало временному поверенному в Делах в Токио Г.А. Козакову [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 3] объяснить новому японскому министру иностранных дел Т. Като, что «по существу своему факт упразднения договорных прав распоряжением одной из сторон, не вступившей к тому же в войну с другой, является беспримерным и не может быть оправдан ни юридическими, ни даже логическими соображениями, и мы не хотели бы даже допустить мысли, что японское правительство выступит официально с подобными притязаниями» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 24] и что объявление Кореей недействительности заключённых ею с Россией договоров с точки зрения принципов международного права не может быть допущено [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 43].

В документах МИД России Г.А. Плансону, назначенному 31 декабря 1905 г. (12 января 1906 г.) генеральным консулом в Сеуле, определялись международный статус Кореи и основные принципы русской политики там. Инструкция была составлена МИД на основе

ранее написанной Плансоном по указанию Ламздорфа «Записки о Корее», удостоившейся 20 января 1906 г. собственноручной пометы Николая II: «Вполне одобряю взгляд этой записки». Инструкция исходила из того, что русско-корейские договоры 1884 и 1888 г. не были отменены на Портсмутской конференции и их действие могло прекратиться только после присоединения Кореи к Японии; независимость Кореи также не была отменена Портсмутским договором, хотя и становилась «призрачной» вследствие привилегий, предоставленных японцам. Россия согласно договору взяла на себя обязательство не вторгаться лишь в задевающие суверенитет Кореи указания японцев, сделанные с согласия корейского правительства. В случае отсутствия такого соглашения русское правительство имело полное право заявить Японии протест. В инструкции Плансону также указывалось, что на Портсмутской конференции ничего не было сказано о выводе русских войск из Кореи или запрещении России иметь там войска, плавать около корейских берегов, заниматься рыбными и прочими промыслами, заходить в корейские порты, устраивать там угольные склады и т.п., из чего следовало, что Россия могла в будущем исходить в этом вопросе исключительно из своих интересов [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 30–39, 86–88].

В инструкции Г.А. Плансону от 16 февраля 1906 г. предписывалось по приезду в Сеул войти в официальные взаимоотношения с корейским правительством, избегая по возможности вторжения в действия японцев, пока они не преступают «русских интересов» и не возбуждают «серьёзных жалоб» со стороны корейского правительства; охранять права русскоподданных в Корее, предоставленные им как русско-корейскими договорами, так и по праву наиболее благоприятствуемой нации. В то же время Плансону поручалось найти такую форму отношений с корейским правительством, которая не возбудила бы недовольства и подозрений у правительства Японии [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 30–39, 86–88]. Также Плансону было дано указание сообщить о наиболее предпочтительном выборе, в зависимости от обстановки местопребывания вице-консульства в Сеуле или Инчхоне, в Масампхо или Фузане, о замещении по прежнему вице-консульства в Кенхыне, об открытии консульств в иных пунктах, где имелись представители других держав. Кроме того, он должен был детально изучить положение дел в стране – не только при посредничестве консулов и секретных агентов, но и путём личного посещения наиболее важных центров, сообщая обо всём министру иностранных дел, передавая копии всех своих политических донесений посланникам в Токио и Пекине, а также приамурскому генерал-губернатору [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 63, л. 3–7]. В заключение Ламздорф обращал внимание Плансона на отношение к императору Кореи. Отмечая, что «с самого начала сношений России с Кореею до последних дней» он не переставал выказывать «полную преданность и безграничное доверие» России и потому при встрече с ним нужно, «тщательно воздерживаясь от всяких обещаний, которые могли бы внушить Его Величеству несбыточные надежды и быть может ухудшить его отношение к японцам, тем не менее всё же поддерживать в нём уверенность в неизменном к нему благоволении Государя Императора» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 63, л. 3–7]. Что касается ответа на ходатайства о помощи, присланные корейским императором в разное время в Петербург, Ламздорф дал указания Плансону словесно передать Коджону переданное ему на прощальной перед отъездом Плансона аудиенции 7(20) февраля 1905 г., приветствия Николая II: «Скажите императору, что я ему посылаю привет, желаю здоровья и долгого

благополучного царствования. Мы теперь не можем помочь Корее, потому что заняты внутренними делами и устройством границ. Но император не должен падать духом, а должен надеяться на лучшие времена. Моё к нему расположение неизменно» [АВПРИ, ф. 195 «Посольство в Токио», оп. 529, д. 196, л. 43].

Содержание инструкции генеральному консулу в Корее показывает, что Россия, потерпевшая в русско-японской войне поражение, опасаясь нового военного столкновения с Японией, вынуждена была считаться с её присутствием в Корее. Задача русской дипломатии в указанный период состояла в том, чтобы не допустить дальнейшего усиления японских позиций в Корее и предотвратить окончательную ликвидацию корейского государства. В отношении же независимости Кореи и суверенных прав корейского императора позиции российской дипломатии оставались прежними. Она стремилась к сохранению самостоятельного корейского государства и готова было отстаивать свои экономические интересы в Корее, особенно в её северных районах.

В документах МИД Плансону подтверждалось, что последний состоит российским представителем при корейском правительстве и ему следует принять консульскую экзекватуру от корейского императора, а не от японского, чего требовало японское правительство [Пак, 2004, с. 390; Григорцевич, 1965, с. 63–64]. Указанные требования правительства Японии шли вразрез с духом международных соглашений по корейскому вопросу. Российская сторона исходила из того, что независимость Кореи была признана протоколом Ниси-Розена 1898 г., удостоверена японо-корейским протоколом 23 февраля 1904 г. Согласно второй статье договора о протекторате 17 ноября 1905 г. все договоры Кореи, заключённые с другими государствами, оставались в силе.

Однако японское правительство при поддержке других держав отстаивало свою точку зрения. В январе 1906 г. временный поверенный в делах в Токио Г.А. Козаков, передавая Като о назначении Плансона генеральным консулом в Сеуле, спросил, какой будет порядок его вступления в должность. Като ответил, что Плансон «должен получить консульский экзекватур от японского правительства» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 57].

Во время объяснений с японским министром иностранных дел Сайондзи по поводу сообщённого ему решения японского правительства выдавать от своего имени экзекватуры русским консулам в Корее в феврале Козаков сделал запрос в меморандуме: «так как консульские экзекватуры даже в стране, не пользующейся полной самостоятельностью, выдаются по общепринятому порядку Главою Государства, то мне поручено просить японского министра сообщить юридические мотивы, на которых основано решение японского правительства самому выдавать экзекватуру иностранным консулам в Корее» и чем руководствуется министр иностранных дел, добиваясь выдачи экзекватуры российскому генеральному консулу в Корее японским правительством [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 108].

Не имея возможности мотивировать такое решение никакими юридическими соображениями, Като ссылаясь на образ действий других держав в аналогичных случаях. Но главный его аргумент был следующим: «корейское правительство поручило японскому ведать через японское министерство иностранных дел внешними сношениями Кореи». Козаков возразил на это, что такое поручение, по-видимому, лишь возлагает на японское министерство помимо его прежних обязанностей также и функции корейского министерства

иностранных дел; но «так как консульские экзекватуры, по общепринятому порядку, выдаются или главой государства и от его имени, то было бы логично, чтобы иностранным консулам в Корее экзекватуры выдавались японским министерством иностранных дел от имени корейского императора». Като настаивал на своём [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 27–28, 30]. Размышляя о причинах заинтересованности японского правительства в признании русско-корейских договоров утратившими силу, Козаков делал вывод, что они заключались в том, что два из них – правила для сухопутной торговли 1888 г. и конвенция, предоставляющая российскому морскому ведомству концессию в Масанпо – несомненно давали России преимущества, которыми не пользовались другие державы [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 28].

Российскому поверенному в делах в Токио было поручено вновь объяснить по этому вопросу с Като, указав на пример вассальной Турции Болгарии, где экзекватур выдаётся князем [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 77].

В ответ Козаков уведомил, что японский МИД всё же настаивает на своём заявлении, ссылаясь на решение других держав [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 909, л. 28].

Сведения о переговорах Козакова с Като по вопросу о претензии японского правительства на право выдачи экзекватура русскому генеральному консулу в Сеуле были переданы Ламздорфом на заключение признанному авторитету в области международного права, члену русской делегации в Портсмуте, неременному члену Совета министра МИД России Ф.Ф. Мартенсу для выяснения юридических оснований, которые могла бы представить Россия в поддержку своей точки зрения [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 24]. Тогда же Ламздорф запросил А.И. Павлова о том, как могло бы быть оформлено вступление Плансона в должность и каким документом он мог быть снабжён для представления корейскому правительству [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 129]. Павлов считал, что подходящим решением было снабдить Плансона верительными письмами от российского министра иностранных дел на имя корейского министра иностранных дел, так же, как в случае самостоятельных до войны консульских представителей Германии и Бельгии, но без упоминания о дипломатическом характере консульского представительства. Однако предупреждал об ожидавшемся сразу по прибытии в Корею Ито Хиробуми, полном упразднении корейского МИД с переходом всех сношений с иностранными представителями в ведение японского генерального резидента [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 119]. 2(15) марта 1906 г. Павлов сообщил об опубликовании 6 января указа об упразднении корейского МИД. Практика официальных сношений иностранных представителей с японским генеральным резидентом вступила в действие с 19 января (1 февраля) 1906 г. [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 126].

После тщательного анализа материалов Ф.Ф. Мартенс пришёл к следующему важному заключению: требование японского правительства есть претензия, которая противоречит обязательным для России и Японии международным трактатам и не основана на установленной в международных отношениях практике. В пользу этого Мартенс приводил следующие доводы.

«I. На основании ещё не отменённых трактатов, заключённых между Россией, Японией и Кореей, последняя не перестала быть независимым государством. Эта независимость была признана трактатом 1898 г. между Россией и Японией и она последней державою ещё

признана февральским протоколом 1904 г., который корейский император был принуждён Японией подписать. Мало того: даже пресловутый акт самого корейского императора 4/17 ноября 1905 г, не признаваемый обязательным со стороны самого корейского императора, прямо не отменяет этой независимости. Очевидно, что для России не могут иметь обязательности международные акты, заключённые даже добросовестным образом, между Японией и Кореей. С другой стороны, такие акты никак не могут отменять международных трактатов или обязательств, заключённых между Россией и Кореей. Эти азбучные истины едва ли требуют особенных доказательств.

II. В настоящее время Портсмутский мирный трактат должен считаться последним словом для определения взаимно-обязательственных отношений между Россией и Японией по отношению к Корейской Империи. В этом акте ни единым словом, ни даже намёком не упраздняется международная независимость этого государства.

В силу III-й статьи этого трактата Россия признаёт первенство политических, военных и экономических интересов Японии в Корее, но больше ничего. Нет никакой логической возможности из этого постановления вывести заключения о согласии России упразднить международную независимость этого государства. Этого мало: в протоколах Портсмутской мирной конференции сохранение этой независимости констатировано самым положительным образом.

Отсюда логически следует, что если Япония намерена упразднить международную независимость Кореи, она должна не только принудить силою Корейского Императора подписать акт вроде протокола или трактата от 4/17 ноября 1905 г., но также добиться признания такого акта со стороны иностранных заинтересованных государств.

Таким образом всегда поступали Державы, присоединившие к своим владениям другие страны или устанавливавшие свой протекторат. Такое согласие может быть формальное или молчаливое, но оно должно быть налицо.

III. Но Япония не претендует на присоединение Кореи к своим владениям и не установила над этой страной своего признанного протектората. Отсюда следует, что экзекватур иностранных консулов должен быть выдаваем Корейским правительством, а не Японским.

Такое заключение вытекает из существа консульской должности. По общепризнанным началам консульские права и консульские конвенции экзекватур консулам выдаётся “территориальной” Верховной властью или “территориальным сувереном”, пока таким сувереном в Корее корейский император, от него зависит выдача экзекватура иностранным консулам.

Это положение неоспоримо в особенности в стране, как Корея, где существует консульская юрисдикция, где содействие местных корейских властей часто абсолютно необходимо для исполнения консулом своих судебных функций.

Наконец, консульская юрисдикция может быть отменена не иначе как с согласия заинтересованных государств. Это бесспорно. Когда Франция, в силу трактата 1881 г., подписанного в Бордо с Тунисом, получила формальный протекторат над этой африканской страной, она не отменила одним почерком пера консульскую юрисдикцию иностранных консулов. Она вступила по этому предмету в дипломатические переговоры с иностранными державами, которые добровольно отказались от своих неотъемлемых прав. Но этот отказ не был отречением от обязанности государства охранять законные интересы и права своих

граждан в Тунисе. Французское правительство обеспечило правильный и беспристрастный суд в пользу иностранцев...

В заключение позволяю себе думать что этот спорный юридический вопрос совершенно подходит под юрисдикцию Гаагского третейского суда: было бы чрезвычайно полезно для будущего времени и потребностей современной жизни народов вызвать Гаагский суд на определение понятия международного «протектората», выдачи экзекватура консулам и т.п.» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 125].

Письмо Мартенса легло в основу секретного циркулярного письма министра иностранных дел Ламздорфа российским представителям за границей Остен-Сакену в Берлин, Нелидову в Париж, С.Д. Сазонову в Лондон, барону Розену в Вашингтон, отправленного 2(15) марта 1906 г. для передачи их правительствам великих держав, с помощью которого МИД России в который раз хотел привлечь внимание держав к тому, что требование Японии о выдаче экзекватура Генеральному Консулу в Корее незаконно и идёт вразрез с действующими международными трактатами и совсем не соответствует общепринятой в международных отношениях практике, и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекватуры от территориального сюзерена, т.е. корейского императора, а не микадо. В секретной телеграмме Козакову было дано указание объяснить с японским министром иностранных дел, указав, что вопрос о порядке выдачи экзекватур имеет первостепенное значение, что может привлечь внимание других держав и поэтому «в интересах обеих сторон» «покончить его по обоюдному соглашению». В случае упорства Японии Россия предупреждала, что будет вынуждена прибегнуть к разрешению вопроса третейским судом в Гааге [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 130–131]. Россия тем самым пыталась вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 83, л. 122].

Однако инициатива России не была поддержана. В ответ на меморандум с изложением взглядов российского правительства на вопрос о том, какой властью должен быть выдаваем экзекватур иностранным консулам в Корее, министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй и помощник статс-секретаря Бэкон, заменяющий находящегося в отпуске Рута, поддержали в этом вопросе Японию, ссылаясь как на прецедент выдачи экзекватура иностранным консулам в Тунисе и Занзибаре не властями этого государства, а французским и великобританским правительствами [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 159–160, 164]. О поддержке германским правительством точки зрения Японии в деле выдачи экзекватура консулам в Корее сообщил статс-секретарь по иностранным делам фон Чиршки [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 153].

В вопросе о выдаче иностранным консулам экзекватур Япония продолжала твёрдо стоять на своём. Прибыв в Токио на пароходе «Принц Генрих» 12 апреля 1906 г., в основном для того, чтобы ближе познакомиться с Х. Ито и договориться по всем вопросам, Г.А. Плансон надеялся остаться в Токио несколько дней [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 176]. Но обстоятельства сложились иначе. Решения вопроса об экзекватуре ему пришлось ждать несколько месяцев в Imperial Hotel; патент был получен только в конце июля. Побеседовав с государственными деятелями Японии, он пришёл к убеждению, что «по вопросам об экзекватуре и о русско-корейских договорах японское правительство ни под

каким видом не отступится от высказанного им взгляда, что экзекватуры иностранных представителей в Корее должны быть выданы Японией и что Русско-Корейские договоры потеряли силу, ибо даже в Портсмутском договоре заменены оговоркою о правах наиболее благоприятствуемой нации». 24 апреля (7 мая) японский посол в Лондоне виконт Хаяси Тадасу передал Плансону, что Ито считает невозможным для Японии изменить отношение к этим вопросам, тем более что на получение экзекватуры от Японии уже изъявили согласие другие державы, что особенное значение «Ито придает вопросу об экзекватуре» и что Ито примет Плансона в качестве официального представителя России и приступит к обсуждению с ним «в самом примирительном духе» остальных вопросов, касающихся его положения в Корее, вступления в должность, формы официальных сношений «как только вопрос этот будет решён в благоприятном смысле» [АВПРИ, ф. 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 84, л. 31–32]. На личной встрече с Плансоном в официальной резиденции на Ренандзака 15(28) мая Ито накануне своего отъезда в Оисо и Корею в ответ на просьбу Плансона посодействовать скорейшему отъезду в Сеул также поставил его в зависимость от разрешения вопроса о консульском патенте в желанном для Японии смысле [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 171, л. 218].

После того, как державы, имеющие представителей в Корее, признали японскую точку зрения в вопросе о выдаче консулам экзекватуры, российская сторона вынуждена была отступить.

17 ноября 1905 г. Ито Хиробуми заставил корейское правительство подписать второй японо-корейский договор (Конвенция 17 ноября 1905 г.), согласно которому учреждался пост японского генерального резидента. Корея лишалась права проведения самостоятельной внешней политики.

Вплоть до смены курса российского правительства с приходом А.П. Извольского на пост министра иностранных дел в мае 1906 г. Россия, вынужденная признать преимущественные политические, военные и экономические интересы Японии в Корее, неизменно придерживалась принципа независимости и территориальной целостности Кореи, сохраняла приверженность курсу на непризнание соглашений, навязанных Японией Корее силой, и нарушающих верховные права корейского императора, и пыталась сохранить хотя бы ограниченный его суверенитет, используя дипломатические средства. Так, узнав о протесте корейского императора, российское Министерство иностранных дел пыталось убедить иностранные державы вмешаться и выразить протест против насильственно навязанного Корее договора о протекторате. Однако державы не поддержали инициативу России.

С целью сохранения существующего порядка дипломатических сношений российской дипломатией предпринимались попытки подтолкнуть правительства западных держав к совместному выступлению против настояний Токийского правительства о назначении Генеральных Консулов в Сеуле и Токио, упразднения корейских миссий при европейских дворах и денонсирования им договоров иностранных держав с Кореей.

В условиях, когда иностранные державы отзывали своих посланников в Сеуле, российская дипломатия пыталась противостоять притязаниям японского правительства на установление полного контроля над внутренней и внешней политикой Кореи, поднимая принципиальный вопрос о совместимости этих притязаний с договорными правами держав,

стремилась сохранить форму иностранного представительства в Корее и возобновить деятельность российской миссии в Сеуле, ссылаясь на русско-корейские договоры. Российское правительство стремилось усилить своё присутствие в Корее в условиях усиленного развития японских войск на севере Корейского полуострова, граничащего с российским Приморьем, которое может стать ближайшим объектом нападения.

Стремясь к сохранению самостоятельного корейского государства и недопущению дальнейшего усиления японских позиций в Корее, МИД России решительно отвергал требования и заявления Японии о назначении консулов в Корею лишь на основании второй статьи Портсмутского договора на правах наиболее благоприятствуемой нации и об упразднении русско-корейских договоров по настоянию японского правительства, понижении ранга дипломатического представительства в Сеуле. Жёсткая позиция, занятая правительством Японии, поддержанная державами, вынудила МИД идти на уступки.

Особо ожесточённый характер принял спор по вопросу о выдаче экзекватур иностранных консулов в Сеуле не главой государства, а японским правительством – вопрос, который считался краеугольным камнем отношений с Японией. МИД настаивал на том, что Генеральному Консулу как российскому представителю при корейском правительстве должно принять консульскую экзекватуру не от японского императора, а от корейского. Российская сторона исходила из того, что независимость Кореи была признана протоколом Ниси-Розена 1898 г., удостоверена японо-корейским протоколом 23 февраля 1904 г. В поддержку своей точки зрения российская сторона выдвигала веские юридические основания, в отличие от японцев, ссылавшихся на образ действий других держав в аналогичных случаях.

МИД и его представители за границей пытались привлечь внимание западных держав к тому факту, что требования Японии о выдаче экзекватура генеральному консулу в Корее незаконно и противоречит установленной в международных отношениях практике, и что Корея как суверенное государство имеет право непосредственных сношений с другими государствами, а иностранные консулы должны получать экзекватуры от территориального сюзерена. МИД также выступил с инициативой вынести корейский вопрос на международное обсуждение с целью добиться непризнания державами японского протектората и осуждения действий Японии в международном суде. Однако инициатива России не была поддержана.

К лету 1906 г. в правящих сферах России в полной мере проявилась борьба двух направлений в дальневосточной политике России. Сторонники первого направления высказывались за сближение с Японией, сторонники другого направления – за сближение с Англией и США против Японии. Немало противников соглашения с Японией было среди чинов Военного ведомства и Генерального штаба³. Постоянную угрозу русским дальневосточным владениям и Сибири в усилении Японии в Азии, и, в особенности, в Корее, овладев которой она создала прекрасный плацдарм для действий против России, видела военная администрация Приамурского края. Считая, не без основания, что закрепившись в северной Корее японские войска смогут осуществлять военные действия как в тылу Южно-Уссурийского края, так и против Маньчжурии, они относились с недоверием к уверениям об

³ Существовавшие в среде военного руководства реваншистские взгляды на положение России на Дальнем Востоке и методы укрепления его обороны ввиду неизбежности войны с Японией нашли отражение в статье кн. А.М. Волконского, командированного в 1897 г. в составе миссии Э.Э. Ухтомского в Пекин, 8 ноября 1906 г. в «Новом времени».

исключительно «оборонительном характере» мер японских властей и считали реальной угрозой закрытия Японией выхода России к Тихому океану и доступа к Печилийскому заливу.

С приходом А.П. Извольского, сторонника прагматичного курса на послевоенное урегулирование с Японией путём компромисса, раздела сфер влияния в виде отказа от Кореи в качестве компенсации за Маньчжурию, на пост министра иностранных дел 29 апреля (11 мая) 1906 г. в дальневосточной политике России одержала верх линия на сближение с Японией [Извольский, 2003, с. 4–5]. Это оказало непосредственное влияние и на политику русского правительства в отношении Кореи. Свои взгляды на то, какой политики нужно придерживаться России в Корее Извольский высказал в Париже ещё в первых числах марта 1906 г., в присутствии Нелидова, полностью разделявшего его мнение, что задача России в Корее «наблюдательная», что России «отнюдь не следует препятствовать хозяйничать там японцам, ибо чем более им будет в этом отношении представлено свободы, тем скорее они столкнутся с иностранцами, имеющими в Корее крупнейшие экономические интересы» и тогда России «останется только воспользоваться результатами столкновения» [АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», оп. 493, д. 17, л. 70].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 71. Л. 15: *Projet de note à l'Envoye de Corée. 6/19 Septembre 1905.*

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 72. Л. 43: Проект секретной инструкции посланнику в Японии.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 72. Л. 7–8: Проект секретной телеграммы Нелидову в Париж, Остен-Сакену в Берлин, Розену в Вашингтон от 4(17) октября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 41: Секретная телеграмма Нелидову в Париж, Остен-Сакену в Берлин, Розену в Вашингтон. СПб., 11(24) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 41: Проект секретной телеграммы Покотилову в Пекин. [11(24)] ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 54: Секретная телеграмма Р.Р. Розена из Вашингтона от 14(27) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 55: Секретная телеграмма графа Остен-Сакена из Берлина от 15(28) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 58: Секретная телеграмма д.т.с. В. Муравьева из Парижа от 16(29) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 60: Секретная телеграмма д.т.с. Нелидова из Парижа от 17(30) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 71: Секретная телеграмма Покотилова в Пекин. Высоч.утв. 26 ноября (7 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 73. Л. 75: Секретная телеграмма Покотилова в Пекин. Высоч.утв. 29 ноября (12 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 10: Секретная телеграмма Р.Р. Розена из Вашингтона от 3/16 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 27: Проект секретной телеграммы российским представителям в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Риме и Вашингтоне. Высоч.утв. Царское село, 9 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 27: Секретная телеграмма Гр. Остен-Сакена, Берлин 14/27 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 35: Секретная телеграмма ст.секр. Муравьева, Рим 16/29 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 36: Секретная телеграмма Бар. Розена, Вашингтон 16/29 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 37: Секретная телеграмма Нелидова, Париж 18/31 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 44: Секретная телеграмма кн Урусова, Вена 23 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 54–55: Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа от 29 декабря 1905 г. (11 января 1906 г.)

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 74. Л. 86: Нота Статс Секретаря Рута Имп. Послу в Вашингтоне, от 16/29 дек 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 79. Л. 19: Секретная телеграмма Покотилова в Пекин. 7/20 декабря 1905 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 24: Проект секретной телеграммы надворному советнику Козакову в Токио, Царское село, 17(30) января 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 30–39: Записка Г.А. Плансона о Корее. СПб., 15(28) января 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 43: Проект секретной телеграммы надв. сов. Казакову в Токио.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 57: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 25 января / 7 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 77: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 31 января/13 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 86–88: Проект секретной инструкции генеральному консулу в Корее статскому советнику Плансону от 3(16) февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 108: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 15/28 февр. 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 119: Секретная телеграмма Павлова. Шанхай. 26 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 122: Проект секретного письма Российским представителям за границей. Высоч.утв. Царское село, 28 февраля (13 марта) 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 83. Л. 126: Секретная телеграмма Павлова. Шанхай. 2 марта 1906 г.

АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 84. Л. 31–32: Секретная телеграмма Бахметьева. Токио, 25 апр/8 мая 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 70: Депеша Плансона Извольскому. Сеул, 23 февраля 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 63. Л. 3–7: Проект секретной инструкции генеральному консулу в Корее статскому советнику Плансону от 3(16) февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 63. Л. 18: Секретная телеграмма Плансона. Сеул, 18 ноября / 1 декабря 1907 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 21: *Projet de note à l'Envoye de Corée*. 6/19 Septembre 1905.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 24: Секретная телеграмма Павлова. Шанхай, 19 сентября / 2 октября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 31: Секретная телеграмма Покотилова. Пекин, 16/29 октября 1905 г. № 690.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 32: Секретная телеграмма российскому посланнику в Пекин, 18/31 октября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 38: Секретная телеграмма Р.Р. Розена из Вашингтона от 12(25) ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 46: Проект секретной телеграммы Российским представителям за границую.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 50: *Lettre du comte Benschendorff*. Londres, le 16/29 Novembre.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 51: Секретная телеграмма Гр. Остен-Сакен. Берлин 16/29 ноября 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 56: Депеша д.т.с. Нелидова из Парижа от 24 ноября (6 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 61: Депеша д.т.с. Покотилова. Пекин, 28 ноября (10 декабря) 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 70: Проект секретной телеграммы Покотилову в Пекин. 3 дек. 1905 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 93: Отношение директора 1-го департамента МИД Пр. Дел церемониальной экспедиции В.Е. Кониару.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 124: Письмо В.Н. Ламздорфа Ф.Ф. Мартенсу. 18 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 125: Письмо Ф.Ф. Мартенса В.Н. Ламздорфу. 25 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 129: Секретная телеграмма Павлову в Шанхай. 23 февраля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 130–131: Секретная телеграмма надв. сов. Казакову в Токио. СПб, 23 февр 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 139–140: Записка 13(26) марта 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 153: Депеша гр. Остен-Сакена, 24 марта / 6 апреля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 159–160: Копия ноты великобританского министра иностранных дел от 27 марта / 9 апреля 1906 г. на имя российского посла в Лондоне.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 164: Нота Бэкона, помощника статс-секретаря русскому послу в Вашингтоне. 16 апреля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 176: Донесение Плансона Извольскому. Токио 13 мая 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 218: Донесение Плансона Извольскому. Токио 9/22 июня 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 3: Донесение Козакова Ламздорфу. Токио, 12 янв, 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 27–28: Секретная телеграмма надв. сов. Козакова. Токио, 17 февраля / 2 марта 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 30: Memorandum. Department of foreign affairs. Токио, February, 27, 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Д. 48: Донесение Бахметьева Ламздорфу. Токио, 6(19) апреля 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 111: Донесение Бахметьева А.П. Извольскому. Токио 14 июня 1906 г.

АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 909. Л. 113–126: Копия секретного донесения морского агента в Японии лейт. Воскресенского.

АВПРИ. Ф. 159 «Формулярные списки чиновников МИД». Оп. 464. Д. 2661. Л. 1–14 об.: Формулярный список о службе Г.А. Плансона.

АВПРИ. Ф. 195 «Посольство в Токио». Оп. 529. Д. 196. Л. 43: Инструкция генеральному консулу в Корее статскому советнику Г.А. Плансону от 7(20) февраля 1906 г.

Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917. Томск: Томский технический университет. 1965. 604 с.

Добрынин А.Ф. США и независимость Кореи (1904–1905 гг.) // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. IV. 1947. С. 343–354.

Извольский А.И. Воспоминания. М.: Харвест, 2003. 224 с.

Пак Б.Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН. 2004. 520 с.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 250: л. 1 и об., 2: Письмо Чин Пом И [Ли Бодмжина] гр. Ламздорфу, министру иностранных дел. С.-Петербург, 1 сентября 1905 г.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 250. Л. 3 и об.: Письмо Чин Пом И [Ли Бодмжина] гр. Ламздорфу, министру иностранных дел. СПб., 30 сентября / 13 октября 1905 г.

Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. М.: ИВ РАН. 2008. 320 с.

Чосон кванге чояк чип : [Сборник договоров, имеющих отношение к Корее. 1876–1945]. Пхеньян, 1949.

British documents on the Origins of the War, 1898–1914. Vol. IV. Ed. G.P. Gooch. H.W.V. Temperley. London: HMSO. 1926.

Conroy Hilary. The Japanese Seizure of Korea 1868–1910. A Study of Realism and Idealism in International Relations. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1960.

Korea. Treaties and Agreements. Washington. 1921.

Yi Taejin. Forced Treaties and Japan's Annexation of the Great Korean Empire: An Argument for the Illegality of the Annexation // International Legal Issues in Korea-Japan Relations. Seoul: Northeast Asian History Foundation, 2008. P. 37–38.

REFERENCES

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 71, list 15: Projet de note à l'Envoye de Corée. 6/19 Septembre 1905. (In French).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 72, list 43: Proyekt sekretnoy instruktsii poslanniku v Yaponii [Draft secret instruction to the envoy in Japan]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 72, list 7–8: Proyekt sekretnoy telegrammy Nelidovu v Parizh, Osten-Sakenu v Berlin, Rozenu v Vashington ot 4 (17) oktyabrya 1905 g. [Draft secret telegram to Nelidov to Paris, Osten-Saken to Berlin, Rosen to Washington, October 4 (17), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 41: Sekretnaya telegramma Nelidovu v Parizh, Osten-Sakenu v Berlin, Rozenu v Vashington. SPb., 11 (24) noyabrya 1905 g. [Secret telegram to Nelidov to Paris, Osten-Saken to Berlin, Rosen to Washington. SPb., November 11 (24), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 41: Proyekt sekretnoy telegrammy Pokotilovu v Pekin. 11(24)] noyabrya 1905 g. [Draft secret telegram to Pokotilov in Beijing. [11 (24)] November 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 54: Sekretnaya telegramma R.R.Rozena iz Vashingtona ot 14 (27) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from R.R.Rosen. Washington, November 14 (27), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 55: Sekretnaya telegramma grafa Osten-Sakena iz Berlina ot 15 (28) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from Count Osten-Sacken. Berlin, November 15 (28), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 58: Sekretnaya telegramma d.t.s. V.Murav'yeva iz Parizha ot 16 (29) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from V. Muraviev. Paris, November 16 (29), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 60: Sekretnaya telegramma d.t.s. Nelidova iz Parizha ot 17 (30) noyabrya 1905 g. [Secret telegram from Nelidov. Paris, November 17 (30), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 71: Sekretnaya telegramma Pokotilova v Pekin .Vysoch.utv.26 noyabrya (7 dekabrya) 1905 g. [Pokotilov's secret telegram to Beijing. By Imperial consolidation on November 26 (December 7), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 73, list 75: Sekretnaya telegramma Pokotilova

v Pekin .Vysoch.utv.29 noyabrya (12 dekabrya) 1905 g. [Pokotilov's secret telegram to Beijing. By Imperial consolidation on November 29 (December 12), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 10: Sekretnaya telegramma R.R.Rozena iz Vashingtona ot 3/16 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from R.R.Rosen. Washington, December 3/16, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 27: Proyekt sekretnoy telegrammy rossiiskim predstavatelyam v Londone, Parizhe, Berline, Vene, Rime i Vashintone. Vysoch.utv. Tsarskoye selo, 9 dekabrya 1905 g. [Draft secret telegram to Russian representatives in London, Paris, Berlin, Vienna, Rome and Washington. By Imperial consolidation in Tsarskoye Selo, December 9, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 27: Sekretnaya telegramma Osten-Sakena, Berlin 14/27 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Osten-Sacken. Berlin, December 14/27, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 35: Sekretnaya telegramma st.sekr. Murav'yeva, Rim 16/29 dekabrya 1905 g. [Secret telegram of State secretary Muraviov. Rome, December 16/29, 1905].(In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 36: Sekretnaya telegramma Bar. Rozena, Vashington 16/29 dekabrya 1905 g. [Secret telegram by Baron Rosen. Washington, December 16/29, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 37: Sekretnaya telegramma Nelidova, Parizh 18/31 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Nelidov. Paris, December 18/31, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 44: Sekretnaya telegramma kn. Urusova, Vena 23 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Prince Urusov. Vienna, December 23, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 54-55: Vsepoddanneyshaya zapiska V.N. Lamzdorfa ot 29 dekabrya 1905 g. (11 yanvaryaya 1906 g.) [Most loyal note by V.N. Lamsdorf of December 29, 1905 (January 11, 1906)]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 74, list 86: Nota Stats Sekretarya Ruta Imp. Poslu v Vashintone, ot 16/29 dekabrya 1905 g. [Note of State Secretary Root to Imp. Ambassador to Washington, December 16/29, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 79, list 19: Sekretnaya telegramma Pokotilova v Pekin. 7/20 dekabrya 1905 g. [Secret telegram from Pokotilov to Beijing. December 7/20, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 24: Proyekt sekretnoy telegrammy nadvornomu sovetniku Kozakovu v Tokio, Tsarskoye selo, 17 (30) yanvarya 1906 g.) [Draft of a secret telegram to Kozakov in Tokyo. Tsarskoye Selo, January 17 (30), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 30-39: Zapiska G.A. Plansonu o Koreye. SPb., 15 (28) yanvarya 1906 g. [G.A. Planson's note about Korea. St. Petersburg, January 15 (28), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 43: Proyekt sekretnoy telegrammy nadv. sov. Kazakovu v Tokio. [Draft secret telegram to Kazakov in Tokyo]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 57: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 25 yanvarya/7 fevralya 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, January 25 / February 7, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 77: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 31 yanvarya/13 fevralya 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, January 31 / February 13, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 86-88: Proyekt sekretnoy instruksii general'nomu konsulu v Koreye statskomu sovetniku Plansonu ot 3 (16) fevralya 1906 g. [Draft secret instruction to Consul General in Korea, Planson. February 3 (16), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 108: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 15/28 fevr 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, February, 15/28, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 119: Sekretnaya telegramma Pavlova. Shankhay. 26 fevralya 1906 g. [Pavlov's secret telegram. Shanghai. February 26, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 122: Proyekt sekretnogo pis'ma Rossiyskim predstavityel'nyam zagranitsey. Vysoch.utv. Tsarskoye selo, 28 fevralya (13 marta) 1906 g. [Draft secret letter to Russian representatives abroad. By Imperial consolidation in Tsarskoye Selo, February 28 (March 13), 1906] (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 83, list 126: Sekretnaya telegramma Pavlova. Shankhay. 2 marta 1906 g. [Pavlov's secret telegram. Shanghai. March 2, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 143 «Kitayskiy stol», opis' 491, delo 84, list 31-32: Sekretnaya telegramma Bakhmet'yeva. Tokio, 25 apr/8 maya 1906 g. [Secret telegram by Bakhmetyev. Tokyo, Apr 25 / May 8, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 17, list 70: Depesha Plansona Izvol'skomu. Seul, 23 fevralya 1907 g. [Depeche by Planson to Izvol'sky. Seoul, February 23, 1907]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 63, list 3-7: Proyekt sekretnoy instruksii general'nomu konsulu v Koreye statskomu sovetniku Plansonu ot 3 (16) fevralya 1906 g. [Draft secret instruction to the Consul General in Korea, Planson. February 3 (16), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 63, list 18: Sekretnaya telegramma Plansona. Seul, 18 noyabrya / 1 dekabrya 1907 g. [Secret telegram by Planson. Seoul, November 18 / December 1, 1907]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 21: Projet de note à l' Envoye de Corée. 6/19 Septembre 1905. (In French).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 24: Sekretnaya telegramma Pavlova. Shankhay, 19 sentyabrya/2 oktyabrya 1905 g. [Pavlov's secret telegram. Shanghai, September 19 / October 2, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 31: Sekretnaya telegramma Pokotilova. Pekin, 16 /29 oktyabrya 1905 g. № 690. [Secret telegram by Pokotilov. Beijing, October 16/29, 1905, No. 690.]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 32: Sekretnaya telegramma rossiyskomu poslanniku v Pekin, 18 / 31 oktyabrya 1905 g. [Secret telegram to Russian envoy to Beijing, October 18/31, 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 38: Sekretnaya telegramma R.R.Rozena iz Vashingtona ot 12 (25) noyabrya 1905 g. [Secret telegram by R.R.Rosen from Washington. November 12 (25), 1905]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 46: Proyekt sekretnoy telegrammy Rossiyskim predstavityam zagranitseyu. [Draft secret telegram to Russian representatives abroad]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 50: Lettre du comte Benschendorff. Londres, le 16/29 Novembre. [Letter from Count Benschendorff. London, November 16/29, 1905]. (In French).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 51: Sekretnaya telegramma Gr. Osten-Saken. Berlin 16/29 noyabrya 1905 g. [Secret telegram by Osten-Saken. Berlin, November 16/29, 1905]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 56: Depesha d.t.s. Nelidova iz Parizha ot 24 noyabrya (6 dekabrya) 1905 g. [Depeche from Nelidov. Paris, November 24 (December 6), 1905]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 61: Depesha d.t.s. Pokotilova. Pekin, 28 noyabrya (10 dekabrya) 1905 g. [Depeche by Pokotilov. Beijing, November 28 (December 10), 1905]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 70: Proyekt sekretnoy telegrammy Pokotilovu v Pekin. 3 dek 1905 g. [Draft secret telegram to Pokotilov in Beijing. December 3, 1905]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 93: Otnosheniye direktora 1go departamenta MID Pr. Del tseremonial'noy ekspeditsii V.Ye. Koniaru. [Relation of the director of the 1st department of the Ministry of Foreign Affairs to the Court ceremonial expedition V.E. Konyar]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 124: Pis'mo V.N. Lamzdorfa F.F. Martensu. 18 fevralya 1906 g. [Letter by V.N. Lamsdorf to F.F. Martens. February 18, 1906]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 125: Pis'mo F.F. Martensa V.N. Lamzdorfu. 25 fevralya 1906 g. [Letter from F.F. Martens to V.N. Lamsdorf. February 25, 1906]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 129: Sekretnaya telegramma Pavlovu v Shankhay. 23 fevralya 1906 g. [Secret telegram to Pavlov in Shanghai. February 23, 1906]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 130-131: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kazakovu v Tokio. SPb, 23 fevr 1906 g. [Secret telegram to Kazakov in Tokyo. St. Petersburg, February 23, 1906]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 139-140: Zapiska 13 (26) marta 1906 g. [Note. 13 (26) March 1906]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 153: Depesha gr. Osten-Sakena, 24 marta/6 aprelya 1906 g. [Depeche by Osten-Saken. March 24 / April 6, 1906]. (In Russian).

Архив Внешней Политики Россиysкой Империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 159-160: Kopiya noty velikobritanskogo ministra inostrannykh del ot 27 marta /9 aprelya 1906 g. na imya rossiyskogo posla v Londone. [Copy of the note by British Foreign Minister addressed to the Russian ambassador in London. March 27/ April 9, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 164: Nota Bekona, pomoshchnika stats-sekretarya russkomu poslu v Vashingtone. 16 aprelya 1906 g. [Nota by Bacon, assistant Secretary of State, to Russian ambassador in Washington. April 16, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 176: Doneseniye Plasona Izvol'skomu. Tokio 13 maya 1906 g. [Depeche by Planson to Izvolsky. Tokyo, May 13, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 218: Doneseniye Plasona Izvol'skomu. Tokio 9/22 iyunya 1906 g. [Depeche by Planson to Izvolsky. Tokyo, June 9/22, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 171, list 3: Doneseniye Kozakova Lamzdorfu. Tokio, 12 yanv, 1906 g. [Depeche by Kozakov to Lamsdorf. Tokyo, Jan 12, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 27-28: Sekretnaya telegramma nadv. sov. Kozakova. Tokio, 17 fevralya/2 marta 1906 g. [Secret telegram by Kozakov. Tokyo, February 17 / March 2, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 30: Memorandum. Department of foreign affairs. Tokyo, February, 27, 1906).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 48: Doneseniye Bakhmet'yeva Lamzdorfu. Tokio, 6 (19) aprelya 1906 g. [Depeche by Bahmetyev to Lamzdorf. Tokyo, April 6 (19), 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 111: Doneseniye Bakhmet'yeva A.P Izvol'skomu. Tokio 14 iyunya 1906 g. [Depeche by A. Bahmetyev to P. Izvolsky. Tokyo, June 14, 1906]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 150 «Yaponskiy stol», opis' 493, delo 909, list 113–126: Kopiya sekretnogo doneseniya morskogo agenta v Yaponii leyт. Voskresenskogo. [Copy of the secret report of the marine agent in Japan Lieutenant Voskresensky]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 159 «Formulyarnyye spiski chinovnikov MID», opis' 464, delo 2661, list 1–14 verso.: Formulyarnyy spisok o sluzhbe G.A. Plasona. [Record of service of G.A. Planson]. (In Russian).

Arkhiv Vneshney Politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], Fond 195 «Posol'stvo v Tokio», opis' 529, delo 196, list 43: Instruktsiya general'nomu konsulu v Koreye statskomu sovetniku G. A. Plasonu ot 7 (20) fevralya 1906 g. [Instructions to the Consul General in Korea G.A. Planson of February 7 (20), 1906]. (In Russian).

Choson kwangae choyak jip [Collection of treaties relating to Korea]. (1948). Phengyang. (In Korean).

Conroy, Hilary. (1960). The Japanese Seizure of Korea 1868–1910, in *A Study of Realism and Idealism in International Relations*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Dobrynin, A.F. (1947). SShA i nezavisimost' Korei (1904–1905), *Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Seriya istorii i filosofii*, Vol. IV: 343–354. (In Russian).

Gooch, G.P. and H.W.V. Temperley (eds.). (1926). British documents on the Origins of the War, 1898–1914. (1926), Vol. IV, London: HMSO.

Grigortsevich, S.S. (1965). Dal'nevostochnaya politika imperialisticheskikh derzhav v 1906–1917 [The Far Eastern policy of the imperialist powers in 1906–1917], Tomsk: Tomskiy tekhnicheskii universitet. (In Russian).

Izvol'sky, A.I. (2003). Vospominaniya [Memories], Moscow: Harvest. (In Russian).

Korea. Treaties and Agreements. (1921). Washington.

Pak, B.D. (2004). Rossiia i Koreya [Russia and Korea], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], Fond 2000, opis' 1, delo 250, list 1 and verso., 2: Pis'mo Chin Pom I [Li Bomdzhin] gr. Lamzdorfu, ministru inostrannykh del [Letter by Chin Pom I [Li Bomdzhin] to Count Lamsdorf, Minister of Foreign Affairs]. St. Petersburg, September 1, 1905.

Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], Fond 2000, opis' 1, delo 250, list 3 and verso: Pis'mo Chin Pom I [Li Bomdzhin] gr. Lamzdorfu, ministru inostrannykh del [Letter by Chin Pom I [Li Bomdzhin] to Count Lamsdorf, Minister of Foreign Affairs]. St. Petersburg, September 30 / October 13, 1905.

Shulatov, Y.A. (2008). Na puti k sotrudnichestvu: russko-yaponskiye otnosheniya v 1905–1914 godakh [On the way to cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Yi Taejin. (2008). Forced Treaties and Japan's Annexation of the Great Korean Empire: An Argument for the Illegality of the Annexation, in *International Legal Issues in Korea-Japan Relations*, Seoul: Northeast Asian History Foundation: 37–38.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Received 20 September 2019

Для цитирования: Пак Б.Б. Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи // Японские исследования. 2019. № 4. С. 120–150. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032

For citation: Pak B.B. (2019). Nasil'stvennoye ustanovleniye yaponskogo protektorata nad Koreyey i usiliya rossiyskoy diplomatii po vosstanovleniyu suvereniteta Korei [Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 4: 120–150. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032